

Е. М. Штаерман

АФРИКАНСКИЕ ВОССТАНИЯ III ВЕКА

Как и большинство провинций римской империи, в середине III в. Африка становится ареной ожесточенной борьбы Рима с варварскими племенами. О ней мы находим краткие упоминания в скудных литературных источниках и более подробные, хотя и разрозненные, данные в эпиграфических памятниках.

До сих пор события эти мало привлекали внимание исследователей. Правда, Канья в своей известной работе о римской армии в Африке отмечает их особенности: это не были, пишет он, обычные вторжения племен пустыни, стремящихся прорвать римские укрепления, пограбить пограничные области и удалиться на свою территорию. Племена, воевавшие на этот раз с Римом, жили среди издавна покоренной и охраняемой страны, и, следовательно, для начала военных действий имелась какая-то особая важная причина¹. Однако, не пытаясь выяснить эту причину, он только замечает, что некоторые авторы без всяких оснований связывали эти войны с гонениями Валериана на христиан. Другой известный исследователь римской Африки Монсо видел в них одно из проявлений борьбы Африки за независимость, продолжавшейся, по его мнению, во весь период римского господства в этой стране².

Как мне представляется, наиболее приблизился к истине Жюльен, который считал, что войны туземцев с Римом обуславливались не только и не столько национальными, сколько классовыми противоречиями между берберийскими крестьянами, отесняемыми со своих земель, и пунийскими и римскими землевладельцами³. Однако он не дифференцирует различные периоды римского владычества и римской политики в Африке.

Ни он, ни другие авторы не попытались связать «мавританские войны» III в. ни с общим положением в Африке этого времени, с одной стороны, ни со сходными событиями в других частях империи—с другой.

Между тем такая попытка представляется мне возможной. Она закономерна ввиду размаха, который приняло движение. Оно продолжалось всю вторую половину III в., и временами военные действия захватывали даже район Карфагена. Некоторые современники видели в нем одну из причин, побудивших Диоклетиана разделить власть с Максимианом, Галерием и Констанцием (Orosius, VII, 25), тогда как другие искали эту причину в движении багаудов (Aur. Vict., De Caes., XXXIX).

¹ R. S a g n a t, L'armée Romaine de l'Afrique du nord, 1894, стр. 88.

² «Les Africains», 1894, стр. 10.

³ J. J u l l i e n, Histoire de l'Afrique du nord, 1931, стр. 78 и 223.

Все это заставляет предположить в этих войнах не случайный эпизод, а результат социальных и экономических изменений, наметившихся к этому времени в Африке.

Достаточно известно представление об упадке, переживавшемся Африкой с середины III в. Оно основывается, главным образом, на резком уменьшении памятников городской жизни и на пессимистических тонах, в которых Киприан Карфагенский рисует современную ему действительность.

Большинство историков связывает этот упадок с восстанием Гордианов и последовавшей за ним карательной экспедицией Капиллиена. Наиболее ярко выразил это мнение Тутэн: «Накануне восстания Гордианов, — пишет он, — Африка была богатой и процветающей страной, спустя 3 месяца страна было опустошена, разорена, обезлюдела. Не только общественное и частное богатство было разрушено, но самые факторы этого богатства — земля и люди были глубоко задеты»¹. «Африка никогда не оправилась после этого удара», — говорит Хейвуд². «В Африке после мятежа Гордианов начался беспорядок, не прекращавшийся до вандалов, — замечает Жюльен³. Однако трудно предположить, что богатая цветущая страна в результате недолгой междоусобной войны, как бы жестока она ни была, могла бы обратиться в невосстановимые развалины. Здесь сказывается общая многим западным ученым переоценка случайных факторов, недостаточно глубокое проникновение в сущность исторического процесса.

Повидимому, в Африке, как и в Галлии и других провинциях, упадок городов был связан не с абсолютным упадком провинции, а с тем, что в экономике мелкие и средние землевладельцы, составлявшие городскую верхушку, вытесняются крупными собственниками более или менее экономически независимых поместий. Это подтверждается рядом фактов — установлением нундии для крупных сальтусов (CIL, VIII, 11451; AEr, 1903, № 243; 1913 № 226); известными жалобами Киприана на богатей, беспредельно увеличивающих свои земли за счет менее сильных соседей. Наконец, и общим настроением, которым проникнуты сочинения Киприана, выходца из среды муниципальной знати. Это настроение типично для всего его разоряющегося сословия. Недаром представители последнего в этот период в большом количестве переходят в христианство, разочаровавшись в языческом мире. Не исключена возможность, что среди этих же слоев вербовались противники Гордианов, поднявшие в Карфагене мятеж против Гордиана III.

Видимо, с приходом к власти последнего в Африке перестают создаваться искусственные препятствия процессу концентрации земли. Раньше, особенно при первых Северах, этот процесс ограничивался и прямыми конфискациями и поддержкой мелких и средних собственников земли, ряды которых усиленно пополнялись за счет наделяемых земель военных. Возможно, что удаление из Африки III Августова легиона, солдаты которого получили имущество сторонников старших Гордианов, конфискованное Капиллиеном, также сыграло известную роль в ускорении концентрации земли.

Процесс этот сопровождался ростом колоната. Повидимому, в сельском хозяйстве рабы, в основном, вытесняются колонами. Эпитафии из

¹ J. T o u t a i n, Les cités Romaines de la Tunisie, 1902, 367.

² «Economic survey of the Roman empire», ed. by Tenney Frank, Baltimore, 1939, т. IV, стр. 86.

³ Op. cit., стр. 50.

карфагенского некрополя императорских рабов не идут дальше времени Септимия Севера. Нет после этого времени надписей рабов, рабских фамилий и виликов и из других частей провинции. Киприан, перечисляя лиц, находящихся в зависимости от главы дома, называет колонов, инквилинов, вольноотпущенников и рабов. Последних он обозначает как *domestici*, т. е. домашних слуг (письма 10 и 43). Очевидно, в поле работали колоны. Насколько усилилась их зависимость, видно из тех же писем. Киприан пишет, что христиане, откупившиеся во время гонений Деция от совершения жертвоприношения и получившие фиктивное свидетельство, что обряд ими выполнен, избавили таким образом от фактического отступничества не только себя, но и весь свой дом, своих колонов и инквилинов. Между тем, хотя эдикт Деция и не известен в точности, есть все основания предполагать, что он предписывал совершить жертвоприношение всем, независимо от их социального положения, и в городах низшие классы не были от него избавлены. Но колоны настолько поглощались личностью своего землевладельца, что выраженные им верноподданнические чувства представлялись достаточной гарантией и их лояльности. Для сложившихся отношений характерна также картина, нарисованная африканским поэтом второй половины III в. Немезианом в его I эклоге, посвященной памяти умершего друга, бывшего образцовым помещиком. Он пишет: «Ты привык разбирать тяжбы земледельцев, примиряя и смягчая различные ссоры. При твоём господстве (*sub te*) процветали любовь к земледелию, уважение к праву и двусторонний межевой камень обозначил поля»¹.

Как и в других провинциях империи, так и в Африке, вышеуказанные изменения в экономике сопровождались острой нехваткой рабочей силы. Что она намечалась уже издавна, видно из привилегий, которые по закону Адриана предоставлялись за обработку пустующих или заброшенных земель. В середине III в. Киприан пишет, что нехватает людей: солдат в лагерях, земледельцев в поле. Это дало повод многим историкам говорить об общем «обезлюдении» провинции. Однако этому противоречат свидетельства современников: Геродиан пишет о всегда многолюдной ливийской стране, а Лактанций замечает, что Максимиан менее нуждался в деньгах, чем Диоклетиан, так как владел Испанией и Африкой, провинциями многолюдными и богатыми («*De mort. persec.*», VIII). Очевидно, обезлюдение было не абсолютным, а относительным: падала производительность труда, люди бросали землю, тяготясь связанными с нею растущими повинностями и зависимостью. Об этом свидетельствует рост числа разбойников, которые обычно вербовались именно из такого элемента. Киприан неоднократно упоминает разбойников, которые делают непроходимыми дороги и постоянно угрожают богатым людям. Насколько они были сильны и многочисленны, показывает одна надпись из Сикки Венерии, в которой говорится, что разбойники вторглись в город, разрушили стену храма и унесли изображения покровительницы города Венеры (CIL, VIII, 15881). Возможно, что наиболее остро вопрос о рабочей силе стоял для императорских земель, поскольку, как мы знаем из известной петиции фригийских колонов к Филиппу Арабу, колоны в ряде случаев предпочитали переходить на земли крупных частных владельцев.

В поисках выхода из создавшегося положения правительство, видимо, шло двумя путями.

С одной стороны, как мы видим из ряда надписей времени Каракаллы, особенно Александра Севера и Гордиана III, колоны, жившие на импе-

¹ Ваегенс, *Poëtae latini minores*, т. III, стр. 178.

раторских землях, получают большие участки и более интенсивно привлекаются к оборонительным работам по созданию укреплений (CIL VIII, 20487, 20602, 8777, 8701, 8812, 20618, АЕр., 1903, № 94). Согласно обычной фразеологии императорского периода эти мероприятия представлялись как некое знаменательное и важное благодеяние. Так, например, более или менее стандартный текст одной из соответственных надписей гласит: «благодаря милости нового века императора Цезаря Марка Антония Гордиана непобедимого, благочестивого, счастливого Августа, восстановителя земного круга, *castellum* Ванарзаненский, который раньше располагал только узким пространством, окруженным стеной, теперь, когда восстановление сил и надежда на мир побуждают... расширен на большую территорию Фальтонием Рестиутианом, президом, под наблюдением прокуратора Элия Феликса» (АЕр., 1903, № 94). Земли давались из императорских имений, как видно из надписи о наделении колонов землей августы Матидии (CIL, VIII, 8812). Одновременно, вероятно, из колонов создавались военные отряды. Так, из того же места, что вышеупомянутая надпись, имеется другая—о размежевании между *territorium Aureliense et privata ratione* (CIL, VIII, 20618), тогда же появляется и *numerus Aureliensis* (XI, 3104), скорее всего составленный из населения этой же территории.

Главная масса вышеприведенных и аналогичных надписей относится к пограничным районам между Нумидией и Мавританией; здесь было расположено значительное количество *castella*, которые, как показывает Шультен, были центрами берберийских племен. В отличие от пунического населения они не получили городского устройства, назывались племенами—*gentes*, управлялись своими царьками или принцепсами под верховным надзором римских префектов и получали землю не в собственность, а в пользование¹.

Очевидно, между ними и жителями городов проводилось значительное различие. В одном военном дипломе отдельно названы среди набранных в Африке частей мавры и *Mauri gentiles* (D e s s a u, 2006). Аналогично мы находим в известной надписи из Вальддюна в Германии, где различаются *brittones* и *brittones gentiles*, приравненные к *dediticii* (Ries e, 1749).

Повидимому, из этих племен состояла известная часть колонов императорских сальтусов как на границе Нумидии и Мавритании, так и в некоторых других местах. Так, например, в районе Тевесты жило племя музуниев, поставившее несколько надписей в честь Каракаллы (C a g n a t, 102, 103). Между тем, очевидно, именно в окрестностях Тевесты помещались в общем сравнительно немногочисленные в Нумидии императорские сальтусы. С Септимия Севера, вероятно, в результате произведенных им конфискаций, появляется специальный прокуратор округа Тевесты². Судя по вышеупомянутым надписям середины III в., эти племена начинают интенсивно обращаться в колонов.

Но увеличение наделов колонов и живших на римской территории племен при одновременном увеличении повинностей и тенденции населения избавиться от земли, вряд ли давало особенно эффективный результат и правительство начинает прибегать к дополнительным мерам.

Канья, описывая созданную Диоклетианом систему привлечения к военной колонизации федератов, говорит, что до него аналогичные мероприятия если и имели место, то были случайны и единичны. Опублико-

¹ S c h u l t e n, Die Peregrinen Gaugemeinden des Römischen Reiches, «Rheinisches Museum», N. F. т. 50, стр. 509 сл.

² D e s s a u, 1438; H a y w o o d, op. cit., стр. 85.

ванные со времени появления его труда некоторые новые надписи позволяют пересмотреть это положение.

Еще в начале правления Септимия Севера на границе Нумидии, на юге Шотт-эль-Ходна была поставлена надпись, сообщающая, что по приказу пропретора Аниция Фауста некоторые младшие чины III Августа легиона произвели наделение полями, пастбищами и источниками (АЕр., 1946, № 38). К сожалению, не сохранились слова, указывающие, кому именно давались эти угодия. Однако важно, что наделение здесь выражено термином *adsignare*, который, по наблюдению Шультена (ук. соч., стр. 540), применялся в отношении племен, получавших земли в пользование. В состав римского государства эти племена включались в результате заключения договоров с их царями. Возможно, что и при Септимии Севере какое-то племя было поселено на границе под условием обработки земли и несения военной службы. На последнее указывает участие военных чинов в устройстве поселенцев.

Более ясные данные мы имеем из позднейшего времени. Это три надписи времени Александра Севера и Проба. Первая, к сожалению, очень фрагментарная, сообщает, что прокуратор (Мавритании) поставил большой алтарь после собеседования с царьками племен баваров и бакватиев (АЕр., 1943, № 54 и 1946, № 52). Следующая надпись от 277 г. гласит: «Юпитеру всеблагому величайшему, Гению и Фортуне императора Марка Аврелия Проба Августа нашего Клементий Валерий Марцеллин, президент провинции Мавритании Тингитанской, поставил и посвятил алтарь миру после переговоров с Юлием Нуфудци, сыном Юлия Матифа, царя союзного племени бакватиев» (C a g n a t, 609); вторая надпись от 280 г. поставлена тем же президом после переговоров с братом предыдущего царя Юлием Мирзом (C a g n a t, 610). Интересно, что бакватии здесь названы *gens foederata*. Вполне возможно, что римское правительство стало уже тогда заключать договоры с племенными вождями, по которым их подданные в качестве федератов помещались на римской земле. Возможно, что согласия соответственных царьков приходилось добиваться силой, поскольку известно, что Александр Север вел войны в Мавритании (SHA, XVIII, 58, 1); возможно также, что они добровольно предоставляли Риму эксплуатировать рабочую и военную силу своих соплеменников, получая за это известные личные преимущества. Так, одна надпись из Рима поставлена в память рано умершего сына царя бакватиев Аврелия Канарты (CIL, VI, 1800). Очевидно, этот царь получил римское гражданство при каком-то императоре III в. и жил в Риме, на более или менее почетном положении.

Частично эти племена переселялись в глубь римской территории; в Нумидии около Томугади известно поселение Барбар, а к юго-востоку от этого города, ближе к границе провинции, — Бабар: возможно, что оба эти названия произошли от племени баваров, живших за границей Мавритании Тингитанской, но частично помещенных в этом районе. В проконсульской Африке известен город или село Фраксине, между тем, как мы увидим дальше, существовало племя этого названия, принимавшее большое участие в войнах III в. Конечно, значительное количество местных племен жило и в Мавритании, где также, по преимуществу начиная с Александра Севера, усиленно создавалась система военных поселений¹. Привлекавшихся сюда частей из германцев, сирийцев и пальмирианцев, конечно, хватить не могло.

¹ Jullien, op. cit., стр. 158.

Без сомнения, колонны жили в Мавритании и в больших частных имениях, которые, судя по упоминаниям в источниках, были там многочисленны (SHA; Tacitus, X; CIL, VIII, 8280, 8241, 8421).

Система привлечения на римскую землю иностранных племен применялась и в других частях империи. Император Проб, ведший многочисленные и успешные войны, прикреплял покоренных к земле в Галлии, Германии, во Фракии, где, по словам его биографа, поместил 100000 бастарнов (SHA, XXVIII, 14,15). Но, говорит далее этот автор, вскоре, когда Проб был занят войнами с узурпаторами, все эти племена нарушили верность Риму и, двигаясь пешие и на кораблях по всей стране, причинили немало ущерба римской славе (там же, 18). Как известно, эти движения соединялись с восстаниями крестьянства и внешними вторжениями.

По всей видимости, аналогичные явления начались уже раньше в Африке, непосредственно после Александра Севера, начавшего, как мы видели, в больших масштабах форсировать военную колонизацию и привлечение зарубежных племен.

В 1923 г. были опубликованы надписи с крайнего юга Нумидии, из Дусена, относящиеся к 238 г. Эти 4 надписи, украшавшие фасад претория расположенного там военного поста, сообщают, что император Гордиан, действуя через посредство своего пропретора Тиберия Юлия Антиоха, благодаря своей доблести и высшей справедливости укротил и усмирил всех восставших и мятежников, выправил границы провинции и племен, соорудил вал и рвы и расположил лагеря для охраны мира в расширенной провинции (AЕр., 1923, №№ 95—98). Особого внимания заслуживают упоминающиеся здесь «восставшие и мятежники» (*rebelles et defectores*). Возможно, конечно, что имеются в виду сторонники Максимина или отпавшие от Гордиана карфагеняне, которые выдвинули своего претендента на престол. Однако, поскольку остальные три надписи носят чисто локальный характер, то скорее и первая относится к каким-то местным событиям. Очевидно, там имели место столкновения с какими-то племенами. Однако последние названы не варварами, как обычно именуется в надписях иноземные противники римлян, а мятежниками. Этот же термин мы встречаем и в надписях, посвященных большим войнам, начавшимся на 20 лет позже. Как правило, он применялся только, когда речь шла о возмущившихся против правительства подданных Римской империи, например, в надписи в честь полководца Клавдия Кандида, гда под *rebelle* подразумеваются сторонники Клодия Альбина (CIL, II, 4114), или в двух отрывках, которые, как мне кажется, на основании сопоставления с галльскими панегириками (VIII, 13) посвящены Констанцию Хлору и где говорится о мятежниках (*rebelle et defectores*), вероятно, сторонниках британских узурпаторов Караузия и Аллекта, получивших флот от варваров, очевидно, союзных с ними франков (AЕр., 1905, № 102; 1906, № 72). Разница в терминологии, мы видим, резко проведена здесь. Следовательно, по всей видимости, в начале правления Гордиана на юге Нумидии произошел мятеж каких-то живших там и подчиненных Риму племен. Слова о справедливом выравнивании границы племен, возможно, относятся к такому же наделению из земель, какое, как я говорила раньше, проводилось в широких масштабах в других частях провинции.

В 247 г., как видно из одной эпитафии из Омаля (город Auzia в Мавритании Цезарейской), там произошла какая-то стычка с варварами, т. е. племенами, вторгшимися из-за границы (CIL, VIII, 9158). Постепенно военные действия стали разрастаться. К 254 и 255 гг. относятся нападения варваров на Нумидию, известные нам из письма Киприана о выкупе пленных христиан, и на Мавританию, как видно из двух надписей из той же Аузии и соседнего Айн-Бессема о победах над варварами (CIL, VIII,

9045 и 20827). Это явилось подготовкой к событиям, относящимся примерно к 260 г., поскольку этим годом датированы две повествующие о них надписи. Одна из них посвящена Гаргилию Марциалу, начальнику ряда военных частей, между прочим, отряда мавританских всадников территории города Аузии. Благодаря его доблести и бдительности, гласит надпись, был пойман и убит мятежник Фараксен со своими приспешниками (*cum satellitibus suis*); сам Гаргилий Марциал погиб в устроенной баварами засаде (CIL, VIII, 9047). В другой надписи пропретор Нумидии Марциний Дециан рассказывает, что четверо царей племени баваров вторглись в Нумидию, в район города Милева, затем в пограничную область Нумидии и Мавритании, и, наконец, в область квинквентанеев, племен Мавритании Цезарейской, которые, согласно исследованию современных авторов, базировавшихся на данных топонимики, жили на северо-западе Мавритании Цезарейской, между Джурджией и морем¹; одновременно племя фраксинов опустошало Нумидию. Автор надписи рассеял и обратил их в бегство, поймав их «пресловутого вождя» (*dux famosissimus*; CIL, VIII, 2615).

Здесь опять-таки выдержана терминология предыдущих надписей; бавары выступают как варвары, квинквентанеи, жившие на римской территории, сторонники Фараксена и фраксины (что, может быть, одно и то же), названы *rebelles* и *gentiles*. С последним термином мы уже встречались: так обозначались в упоминавшемся ранее дипломе мавры, жившие на своих племенных территориях. *Gentiles* приравнивались по значению к федератам Африки в кодексе Феодосия (VII, 15, 1). Повидимому, в 260 г. против Рима объединились восставшие колонны, жившие на римской земле племена и племена, вторгшиеся из-за границы провинции. Это подтверждается и территориальным охватом военных действий. Очевидно, чтобы пройти всю Мавританию и дойти до Милева, бавары должны были встречать поддержку местного населения. Наибольшую активность они и их союзники проявляли в районе границы Мавритании и Нумидии, т. е. там, где, как я говорила раньше, была расположена наибольшая часть племенных *castella*, упомянутых в надписях Александра Севера и Гордиана III о наделении колоннов земель и привлечении их к различным повинностям. Эти-то колонны из местных племен и составляли основной контингент повстанцев, соединившихся с внешними врагами.

В самой Нумидии их могли поддержать и племена, посаженные на границе при Северах и Гордиане, возможно, даже их единоплеменники бавары.

Видимо, в связи с общей разрухой в империи (вспомним, что примерно в это же время часть III Августова легиона, вернувшегося в Африку в 254 г., была послана в Македонию, вероятно, для борьбы с дунайскими и восточными узурпаторами (АЕр., 1934, № 193), оборона Мавритании была на известное время предоставлена собственным силам. Во время вторжения в город Картенну бакватиев, также присоединившихся к восстанию, самооборону организовывал местный дуумвир Фульциний Оптат, за что сенат и народ Картенны почтил его благодарностью (CIL, VIII, 9663). Возможно, что с этими же событиями была связана и гибель куратора города *Orpidum Novum*, убитого с пятью солдатами (АЕр., 1926, № 23). Элий Примиан, упоминавшийся в 255 г., как «защитник своей провинции», и Гаргилий Марциал, крупный землевладелец и автор труда по сельскому хозяйству, были декурионами Аузии и Рузгунии и начальниками местных мавританских отрядов, с которыми они и действовали против врагов. Ядро

¹ C a g n a t, op. cit., стр. 55.

этих отрядов, повидимому, составляла городская молодежь. В одной надписи времени Александра Севера упомянут командир *equitum idemque peditum iuniorum mauroorum* (CIL, VIII, 20996); при Гордиане существовала *vexillatio militum mauroorum iuniorum Caesariensium* (CIL, VIII, 2716); отряд Гаргилия Марциала, вероятно, был набран из города Аузии. Очевидно, военный отряд, в состав которого входила и «богатая молодежь», оборонял мавританский город Сальду, расположенный недалеко от местожительства квинквентанеев. Об этом можно заключить из следующей метрической надписи: «По случаю того, что враги были отогнаны от городских стен, юноши исполнили обет божественной силе, величайшему царю небожителей Юпитеру, верховному громовержцу, гению и Мавре, украшенной триумфом. Гентурий и Фанния, потомок Гимерий, также потомок Ребурра, и двое Конкордов Юлиев, всегда счастливейшие братья, из собственных своих немалых денег с радостью поставили эту ограду, чтобы в ней находилась благодетельная, божественная, источающая доблесть Победа-мстительница, которая своим мановением обещает надежду на мир. Перед этими храмами стоит быстрый Киллений и освящает место и приносит обеты перед алтарем» (AЕр., 1928, № 38). Другая метрическая эпитафия рассказывает о жителе Аузии, юноше Кефалии или Капитоне. Движимый любовью к родине и скорбью об ее несчастиях, желая избавить сограждан от тяжелой дани, он, несмотря на то, что дороги были заперты, пытался проникнуть на другую сторону и погиб, исполняя свое опасное поручение (CIL, VIII, 20758). Возможно, что Аузия, бывшая центром борьбы с Фараксеном, была осаждена, или даже занята мятежниками, обложившими данью местных жителей. Кефалий же погиб, пытаясь обойти осаждавших, вероятно, с целью найти и привести военную помощь. Еще одного молодого солдата, Ульпия Оптата, прославляет другая мавританская эпитафия, к сожалению, сильно испорченная. Можно, однако, разобрать, что этот «римский юноша, благородного происхождения, потомок многих поколений», «пылая гневом», один бросался в битву с многочисленными врагами, пришедшими из-за гор (очевидно, имеются в виду квинквентанеи) и погиб, окруженный со всех сторон оружием противников, чтобы не нанести ущерба чести своего рода (CIL, VIII, 21562).

Мы видим, что все вышеупомянутые организаторы и участники борьбы с восставшими племенами принадлежали к богатым и знатым семьям, и характерно то пышное красноречие, с которыми их соратники, очевидно, принадлежавшие к тому же классу, прославляют их.

Победа, одержанная Гаргилием Марциалом и Марцинием Децианом, не положила конца войне. Очевидно, к следующему ее этапу относится отрывок надписи из Айн—Руа, неподалеку от мавритано-нумидийской границы, об уничтожении многих баваров и гибели двух из их царей—Таганина Масмула и Файема (AЕр., 1907, № 159), а также надпись презида Мавритании Элия Элиана, благодарящего «отечественных богов мавров» за победу над племенем месегнетских баваров, добычу и семьи которых ему удалось увести (CIL, VIII, 2186).

Флавий Вописк, биограф императора Проба и узурпатора Сатурнина, вскользь упоминает о войнах с маврами, которые они вели, еще будучи военачальниками Аврелиана. Проб, одержав ряд побед, «освободил от мятежников Карфаген» (SHA, XXVIII, 9,2). То, что военные действия действительно шли в самом сердце провинции на границе Нумидии и проконсульской Африки, подтверждается эпитафией солдата III легиона Силиция Сатурнина, погибшего около Ватари, к юго-востоку от Типасы (AЕр., 1896, № 94). Судя по тому, что Вописк говорит о мятежниках—*rebelles*, здесь опять главную роль играли восставшие племена, проживавшие на римской территории.

К этому периоду относятся и упоминавшиеся выше договоры императора Проба с бакватиями, которых удалось отделить от баваров, с которыми при Александре Севере у них был общий царь. Но если мир временно и был достигнут на основании признания зависимости некоторых племен от Рима и привлечения их для обработки и охраны провинции, то он был непрочен.

В конце 80 гг. III в. снова начинается волна восстаний квинквентанеев в соединении с вторжением баваров. Первые опять-таки названы в надписях *rebeldes* (CIL, VIII, 8924). Как *barbari gentiles* обозначены враги, над которыми в то время одержал победу некий *dux rex Africam* Флавий Леонтий (CIL, VIII, 18219). Учитывая, что, как мы видели, по кодексу Феодосия в Африке, *gentiles* было синонимом федератов, можно и это свидетельство отнести к борьбе с повстанцами. Последние на этом этапе имели ряд значительных успехов, хотя и на более ограниченной территории, чем раньше, ближе к своим исконным районам. На северо-востоке Мавритании они захватили и разрушили город Рипидум (CIL, VIII, 20836). Снова подвергся успешному нападению город Аузия, где затем Диоклетиан приказал восстановить разрушенный в результате войны мост (CIL, VIII, 9041). Однозначно, в районах, примыкающих к Мавритании Тингитанской (города Тиарет, Арбал), действовали различные племена баваров.

Эти комбинированные военные действия создали серьезную угрозу для правительства (*Aur. Victor, De Caes, 39; Oros., VII, 25*). Вначале, за недостатком средств, римские наместники вынуждены были прибегать к более или менее удачным партизанским вылазкам. Презид Мавритании Аврелий Литуа нападал на отдельные племена баваров, захватывал, какую мог добычу, и ретировался, принося благодарность Юпитеру и прочим богам «за то, что со всеми солдатами вернулся целым и невредимым» (CIL, VIII, 9324; *Aer., 1912, № 24*). Затем, соединив воинские части, стоявшие в Мавритании Цезарейской и Ситифийской, он смог осуществить более серьезную экспедицию против квинквентанеев. Он сообщает, что многих из них он убил, многих взял в плен и одержал победу «сломив их отчаянную смелость» (CIL, VIII, 8924).

Однако через несколько лет, около 296 г., война приняла настолько угрожающий характер, что Максимиану пришлось самому прибыть в Африку, чтобы лично руководить операциями против квинквентанеев. Очевидно, они были очень трудны, поскольку один из панегиристов Максимиана говорит, что эти «свирепейшие племена Мавритании» были «защищены неприступными горными хребтами и естественными укреплениями». Надо думать, что повстанцы защищались с той же «отчаянной смелостью», о которой говорит Аврелий Литуа. Конечно, местные землевладельцы продолжали участвовать в борьбе с ними. Так, город Тубусукту, расположенный к востоку от Джурджии, возникший из колонии ветеранов, сообщает, что он и его округ помогали императору продовольствием, «когда он подавлял мятеж квинквентанеев» (CIL, VIII, 8836).

В конце концов, после длившейся несколько лет борьбы, последние были, по выражению Евтропия, «укрощены и усмирены», по крайней мере на некоторое время.

Впоследствии, как мы знаем, волнения крестьян в Африке возродились в еще больших масштабах.

Эти восстания в Африке имеют много сходных черт с движением багаудов в Галлии. Начало того и другого почти совпадают хронологически; в обоих случаях восстания местных земледельцев соединяются с вторжением извне; восставшие осаждают и берут города (Рипидум и Сальда), захватывают или облагают данью имущество горожан, как мы это видим на примере Августодуна в Галлии, Аузии—в Африке. В обоих слу-

чаях движение не удается подавить окончательно, оно временно затухает, чтобы затем разгореться с новой силой. И в Галлии и в Африке восстания были ответом на дальнейшее закрепощение крестьян, и результатом их явилась все возрастающая потребность в новой рабочей силе. Недаром мы видим, как почти в одинаковых выражениях прославлялись своим биографом Проб и галльскими панегиристами Максимиан и Констанций за то, что благодаря их успешным войнам варвары были принуждены обрабатывать римские поля и защищать римские границы. Наконец, и в Галлии и в Африке эти массовые движения определили отношение местной земельной аристократии к центральному правительству.

Как я пыталась показать в другой работе, есть много оснований предполагать, что галльская империя, отпавшая от Рима и просуществовавшая самостоятельно с 258 по 273 год, возникла в результате недовольства именно этих слоев теми ограничениями, которыми некоторые императоры пытались замедлить прогрессирующую концентрацию земли. Однако последний галльский император Тетрик, бывший одним из крупнейших магнатов Аквитании, не имея сил справиться с растущим движением багаудов, сам призвал императора Аврелиана и, сдавшись ему со своим войском, вернул Галлию под власть Рима.

Что аналогичные оппозиционные настроения имелись среди африканской аристократии, показывают и восстание Гордианов, и смутные известия SHA и Аврелия Виктора о каких-то недолго продержавшихся узурпаторах Цельсе и Юлиане, и уничтожение имен императоров Галлиена и Проба на ряде надписей.

На некоторое брожение и недовольство указывает распространение христианства среди высших классов. Это вполне учитывалось правительством императора Валериана, по эдикту которого ссылкой в рудники и даже смертной казнью карались христиане из числа сенаторов, всадников и императорских чиновников.

Однако Африка не сделала ни одной серьезной попытки отделиться от Рима по примеру Галлии и ряда других провинций в III в.

В этом, как мне кажется, сказался постоянный страх местных крупных землевладельцев перед народными восстаниями. Они начались здесь раньше, чем движение багаудов, и, возможно, обострялись еще противоречиями между берберийскими крестьянами и римскими и пунийскими землевладельцами. Последние постоянно нуждались в сильном правительстве, которое могло бы обеспечить повиновение колонов и отыскивать новые источники пополнения рабочей силы. Да и вообще, в Мавритании в общем менее романизированной, чем обе другие африканские провинции, связь высших классов и интеллигенции с Римом была теснее.

Все вышеизложенное, как мне кажется, позволяет видеть в африканских восстаниях одно из звеньев того большого движения земледельческого населения, которое сопровождало, начиная с середины III в. феодализацию империи. На их примере мы видим, что привлечение на римскую территорию племен из-за границы государства, в связи с кризисом рабочей силы начинается значительно ранее установления домината и сопровождается отчаянным сопротивлением этих новых колонов, соединяющихся со своими соплеменниками, оставшимися вне империи, и с крестьянами, издавна сидящими на римской земле.

